

мира. Но самим людям виднее, как им лучше быть. Достаточно, что он помог им остаться живыми, и пусть они счастья достигнут за горизонтом». На этом завершилась повесть в ее журнальном варианте (1964 г.), впоследствии неоднократно переиздававшемся.

Разные толкования журнального варианта «Джан» включали и мнение, что в финале Чагатаев признает свое поражение, предсказанное в первых главах (картина в комнате Веры, трактуемая как аллегорическое изображение гибели разума, оторвавшегося от тела, — ср. в финале определение Чагатаева — «тесный разум»). Но ведь в ситуации «у последней черты» остаться в живых означает уже победу, и Чагатаев принес ее людям, справедливо посчитав свою миссию состоявшейся: «достаточно того, что он помог им остаться живыми». К тому же, как видно из рукописи повести, хранящейся у наследников А. Платонова, завершается «Джан» ситуациями, типичными для советской действительности 30-х годов: народ возвращается в свое урочище и организуется колхоз, а Чагатаев, выполнив свою миссию, уезжает в Москву.

Реалистический финал, по замыслу Платонова, спорит с легендарным текстом (одновременно перекликаясь с прологом) как сама неупорядоченная, богатая неожиданностями реальность спорит с упорядоченностью и предрешенностью легенды. В итоге из сочетания этих двух миров рождается «странный и обыкновенный» мир Андрея Платонова.

Та же ситуация «у последней черты жизни» определяет особый психологический климат прекрасного рассказа Платонова «Река Потудань» (1937 г.), вскоре после публикации несправедливо раскритикованного⁶. Основная его коллизия была предсказана эпизодом из «Джан» (Она: «Нету никакого добра у нас с тобой, я все думала-передумала и вижу, что люблю тебя». Он: «Я тоже тебя — иначе не проживешь». Слушавший их разговор Чагатаев «прошептал что-то, улыбнулся и уснул, довольный, что на его родине среди двоих людей уже существует счастье, хотя и в бедном виде».) В ситуации «у последней черты» — «единственное, что могло утешить и развлечь сердце человека, было сердце другого человека» («Джан»), жизнь одного сердца — главный залог существования другого; так рождается «счастье, хотя и в бедном виде».

Никите и Любе («Река Потудань») выпало жить в такие годы, когда «голод и нужда слишком измучили человеческое сердце». Потери близких... Люба потеряла мать, брата, любимую подругу и даже нет гроба, чтобы похоронить ее. Голод... Люба ложится спать пораньше, чтобы не мучиться от голода, в ожидании прихода подруги, которая приносит ей тайком еду из своего дома. Болезни... Никита, прошедший гражданскую войну, чуть не умирает от тифа... Но Люба и Никита — типичные герои Платонова — от страданий и лишений не деревенеют, а обретают «сердечную духовность», дарующую им особый такт, трепетность отношений. Чувство героев светло и предельно духовно, каждый более всего озабочен тем, чтобы облегчить жизнь другого, тем более не внести в нее дополнительных тягот и боли. Так, подойдя рано утром к дому невесты, Никита, давно не видевший Любу и тоскующий без нее, решил все же не будить ее, дабы «не остужать ее тела из-за своего интереса».

В условиях постоянного покушения суровой действительности на само существование человека — здоровье, «целость» любимого обретают исключительную ценность: их сохранением более всего и озабочены герои. Когда Никита заплакал над Любой (он желал близости с ней, но боялся принести ей боль), Люба сказала: «Ну будет вам, нельзя так мучиться, когда я еще жива». И это естественный аргумент в той судьбе, что выпала на долю героев Платонова.

Робость и «слабость» Никиты от его любви к Любе, всегда сопряженной с заботой о том, чтобы любимая им жизнь не прекратилась, чтобы новые

⁶ См. Костелянец В. Фальшивый гуманизм. — «Звезда», 1938, № 1.